

МАСКА ИМПЕРИИ

18+

ТАЙНЫЙ ДИССИДЕНТ В МИНИСТЕРСТВЕ

Дамир Янсуфин

**«Маска Империи». Тайный
диссидент в министерстве**

«Автор»

2026

Янсуфин Д.

«Маска Империи». Тайный диссидент в министерстве /
Д. Янсуфин — «Автор», 2026

Молодая женщина из высшего круга получает пост министра образования. Для всех она — послушная дочь партийной элиты, идеальная арийская внешность, безупречная репутация. Но внутри нее уже зреет ненависть к режиму, который она призвана укреплять. Она носит маску верности. Она произносит слова, которые претят ее душе. Она подписывает приказы, которые мечтает саботировать. И чем выше она поднимается по служебной лестнице, тем страшнее становится цена ее двойной игры. Опала. Ссылка в лагерь. Палач, вынужденный стать спасителем. И неожиданное возвращение — уже не чиновником, а символом новой, пугающей эффективности. Сам диктатор замечает ее. И делает своим наследником. Она становится во главе гибнущей империи в последние дни войны. Чтобы спасти народ — и разрушить систему изнутри, надев ее корону. Ее назовут предательницей. Или спасительницей. Или колдуньей, которая свела Рейх в могилу. Но те, кто выжил в одном маленьком лагере в Баварских лесах, будут помнить ее имя иначе.

© Янсуфин Д., 2026

© Автор, 2026

Дамир Янсуфин

«Маска Империи». Тайный диссидент в министерстве

«Маска Империи»

История одной лжи, которая стала правдой.

1942 год. Берлин.

Молодая женщина из высшего круга получает пост министра образования. Для всех она — послушная дочь партийной элиты, идеальная арийская внешность, безупречная репутация. Но внутри нее уже зреет ненависть к режиму, который она призвана укреплять.

Она носит маску верности. Она произносит слова, которые претят ее душе. Она подписывает приказы, которые мечтает саботировать. И чем выше она поднимается по служебной лестнице, тем страшнее становится цена ее двойной игры.

Опала. Ссылка в лагерь. Палач, вынужденный стать спасителем. И неожиданное возвращение — уже не чиновником, а символом новой, пугающей эффективности. Сам диктатор замечает ее. И делает своим наследником.

Она становится во главе гибнущей империи в последние дни войны. Чтобы спасти народ — и разрушить систему изнутри, надев ее корону.

Ее назовут предательницей. Или спасительницей. Или колдуньей, которая свела Рейх в могилу.

Но те, кто выжил в одном маленьком лагере в Баварских лесах, будут помнить ее имя иначе.

Это роман о цене компромисса, о том, как далеко может зайти человек, желающий изменить мир изнутри, и о том, можно ли остановить чудовище, не став чудовищем самому.

Основано на реальных исторических событиях — и одной невероятной альтернативе.

Ключевые темы:

Двойная игра и моральный компромисс

Власть и ее цена

Возможность искупления

Женщина в сердце тоталитарной системы

Альтернативная история XX века

Для читателей, которым понравилось:

«Стена» Марлен Хаусхофер

«Бремя страстей человеческих» Уильяма Сомерсета Моэма

«Тишина ягнят» Томаса Харриса (психологическая глубина)

Романы Филипа К. Дика в жанре альтернативной истории

Первый день

Дата: 15 января 1942 года.

Место: Берлин, Вильгельмштрассе. Здание Имперского ведомства науки, воспитания и народного образования.

Воздух в кабинете был густым и неподвижным. Пахло старым деревом полированного стола, воском для паркета и еще чем-то — липким, неуловимым. Страхом. Элис смотрела в массивное окно на серые, строгие здания Берлина. На ней был элегантный, но строгий костюм, а на лацкане пиджака — партийный значок. Он давил на грудь, как клеймо.

Вчера вечером она ужинала с отцом в его особняке в Далеме.

— Ты сделаешь нас гордыми, дочь, — сказал он, попивая коньяк. — Вождь лично одобрил твоё назначение. Мы перевоспитаем эту молодежь, выкуем из них сталь для Новой Европы. Твоё образование и... моя позиция... открывают для тебя великие возможности.

Его слова были полны гордости и фанатичной веры. Элис улыбалась. А внутри у неё все сжималось.

И вот её первый день. На столе лежала папка с грифом «Совершенно секретно». Директива по пересмотру школьных программ по биологии и истории в духе государственной идеологии.

Доктор Элис Вайс, в девичестве фон Хагеман. Двадцать шесть лет. Светлые волосы уложены в строгую, но элегантную причёску. Голубые глаза. Прямой нос. Идеальная внешность — та самая, которую так ценил Старый Режим. Это была её маска. Лучшая защита.

Внутренний монолог Элис:

«Глава ведомства по образованию. В двадцать шесть лет. Боже, какая ирония. Я должна нести этот яд в умы детей. Преподавать расовую теорию, восхвалять насилие, вырезать из книг целые миры... Но отец... Он так верит. Он видит в этом свою лебединую песню, венец карьеры — поставить дочь на один из ключевых постов в Империи. Если бы он знал, что творится у меня в душе...»

Она взяла в руки документ. Пальцы чуть дрожали.

Первый вызов. Заместитель — обер-директор Карл Штраус.

В дверь тихо постучали. Вошёл мужчина лет пятидесяти в безупречной партийной форме, с холодными, пронзительными глазами.

— Слава Вождю, госпожа глава ведомства! — его рука взметнулась в приветствии. — Карл Штраус, к вашим услугам. Позвольте выразить мой восторг по поводу вашего назначения. Ваш отец — великий человек. Мы все с нетерпением ждем ваших указаний.

Его тон был подобострастным. Но в глазах читалась смесь любопытства, зависти и напряженности. Старая гвардия. Он явно ожидал увидеть легкомысленную девочку, получившую пост по блату.

Элис медленно поднялась из-за стола. Её лицо застыло бесстрастной маской. Рука взметнулась в ответном приветствии — жест отточенный, резкий.

— Слава Вождю, герр Штраус. Благодарю за расторопность. Мой отец действительно возлагает на нашу работу большие надежды. Он уверен, что мы сможем выковать из немецкой молодежи оружие, достойное Великой Германии.

Она говорила твердым, холодным тоном, глядя ему прямо в глаза. В его взгляде мелькнуло удивление, а затем — быстрое перепрограммирование. Он ожидал неуверенности. А увидел уверенность и требование.

— Я жду от вас полных отчетов по всем текущим проектам к завтрашнему утру, — продолжала она, слегка постукивая пальцами по злополучной папке. — Мы начнем с ускорения чистки библиотек и учебных программ от дегенеративной литературы. Недоработок в этом вопросе я не потерплю.

Штраус вытянулся в струнку.

— Так точно, госпожа глава ведомства! Отчеты будут на вашем столе к восьми утра. Процесс уже идет, но с вашим назначением он, несомненно, обретет новую скорость и размах.

Когда он ушел, Элис снова осталась одна. Напряжение немного спало, но осадок от произнесенных слов был горьким. Она только что отдала приказ, который претил всему ее существованию.

Сцена вторая. Первая встреча с секретаршей.

Через несколько минут в кабинет с тихим стуком вошла молодая девушка. Почти ровесница Элис. Скромное, но опрятное платье, волосы убраны. В глазах — смесь робости и желания угодить.

— Госпожа глава ведомства? Я — Анна Кольб. С сегодняшнего дня ваша секретарша. Мне поручено помогать вам во всех административных вопросах.

Она не решилась поднять руку в приветствии. Просто ждала. Это был не карьерист Штраус. Это был винтик в системе. Возможно, такая же, как и Элис, оказавшаяся здесь не по своей воле.

Внутренний монолог Элис:

«Анна... Простая, без связей. Идеальный человек, чтобы не вызывать подозрений. Или идеальная пара глаз и ушей для Штрауса? Нужно быть осторожной. Но в ее глазах я не вижу фанатизма. Вижу страх. А страх можно превратить в преданность, если проявить не жестокость, а... снисхождение».

Элис сделала паузу, изучая Анну. Ее лицо, только что бывшее холодной маской для Штрауса, слегка смягчилось. Строгость во взгляде осталась, но в уголках губ появилось что-то, отдаленно напоминающее понимание.

— Фройляйн Кольб, — голос Элис звучал ровно, но без той ледяной стали, что была обращена к Штраусу. — Я требую от своих подчиненных безупречной точности и полной отдачи. Наши задачи имеют первостепенное значение для Империи.

Анна почти незаметно вздрогнула, готовясь к худшему. Но Элис добавила, чуть тише:

— Я сама сегодня первый день на этом посту. Я понимаю, что новое место может вызывать трудности. Все ли у вас в порядке с обустройством? Стол, канцелярия, доступ к архивам? Если есть какие-то проблемы — сообщите мне. Я не терплю беспорядка, но я ценю эффективность. А она рождается из нормальных рабочих условий.

Глаза Анны на мгновение широко раскрылись от удивления. Она явно ожидала окрика или холодного пренебрежения. Слова «я понимаю» звучали здесь, в этих стенах, почти крамолой.

— Я... благодарю вас, госпожа глава ведомства, — она слегка запнулась. — Все необходимое мне предоставили. Я готова приступить к обязанностям немедленно. Ваше расписание и входящая почта уже ждут вашего внимания.

В ее голосе сквозила искренняя, почти детская готовность угодить. И еще что-то... облегчение.

Внутренний монолог Элис:

«Хорошо. Она не испугана окончательно. Видит во мне не только монстра из аппарата. Это маленькая победа. Возможно, из нее получится не просто секретарша, а... пара глаз и ушей. Но доверять еще рано. Слишком рано».

Часть третья. Директива.

Прошли месяцы. Элис вошла в роль. Ее кабинет стал крепостью, а холодная, эффективная маска — второй кожей. Анна постепенно превратилась из напуганной секретарши в тенистого союзника. Элис до сих пор не говорила ей ничего прямо, но взгляды и паузы стали красноречивее слов. Анна научилась фильтровать информацию для Штрауса, и он, кажется, удовлетворился ролью исполнительного, но отстраненного заместителя.

И вот — удар.

Прямая директива из Канцелярии. Толстая папка с зловещим грифом. Не просто очередной циркуляр о расовой гигиене, а личный приказ Вождя: немедленно и повсеместно усилить пропаганду против гонимого народа в школах. В учебниках, на уроках, в молодежных церемониях. Требовалось не просто упоминание, а оголтелая, ядовитая ненависть, вбиваемая в детские умы.

Элис сидела над этим документом, и ее физически тошнило. Подчиниться — значит стать соучастницей чудовищного преступления. Ослушаться — мгновенный визит карательной службы, расстрел и расправа над семьей, включая отца, который, при всей своей слепоте, любил ее.

Внутренний монолог Элис:

«Нет. Я не могу этого делать. Но я не могу и отказаться. Значит, нужно саботировать. Исполнять так, чтобы приказ терял свою силу. Но как? Прямое неповиновение смертельно. Нужно найти лазейку в самом языке, в бюрократической машине... Сделать вид, что выполняешь, но на деле выхолостить суть».

Она вызвала Анну.

— Фройляйн Кольб, — Элис отодвинула папку, как будто та была обожжена. — У нас новые... приоритеты из Канцелярии. Необходимо разработать методические указания для учителей по усилению национально-политического воспитания.

Анна посмотрела на нее. В ее глазах читалось то же понимание и тот же ужас. Она уже не была той робкой девушкой. Она видела, как Элис месяцами пыталась смягчить самые одиозные инициативы Штрауса под видом «повышения эффективности».

Глава четвертая. Бумажная война.

Элис кивнула с холодной, расчетливой решимостью. Бюрократия — вот область, где Старый Режим одновременно силен и уязвим. Они обожали правила и бумаги. Что ж, она даст им их в избытке.

Она отдала тихие, четкие распоряжения Анне. Ее тон был тоном эффективного администратора, стремящегося «перевыполнить» приказ своей педантичностью.

Сцена. Неделью спустя. Совещание с отделом учебных программ.

Элис сидела во главе длинного стола. Вокруг собрались руководители отделов — преимущественно карьеристы вроде Штрауса и несколько напуганных, но опытных старых профессоров.

— Господа, — начала она, не повышая голоса. — Нам выпала великая честь реализовать личную волю Вождя в сфере воспитания нашей молодежи.

Пауза. Слова повисли в воздухе.

— Я не намерена подходить к этому вопросу спустя рукава. Мы создадим не просто методички. Мы создадим исчерпывающую, всеобъемлющую систему.

Она поднялась и подошла к большой грифельной доске.

— Эта система будет состоять из нескольких уровней. Первый уровень: еженедельные отчеты от каждой школы по форме Семь-Гамма.

Она начала писать на доске. Почерк быстрый и четкий.

— В них должны быть указаны: количество учебных часов, посвященных теме, имена учителей, тезисы их уроков, список использованных материалов, образцы письменных работ учеников с рецензиями преподавателей.

Некоторые за столом расширили глаза.

— Второй уровень: ежемесячные сводные отчеты от региональных управлений по форме Двенадцать-Бета. Они должны включать статистический анализ эффективности по критериям, которые мы разработаем. Критериев будет не менее двадцати. Третий уровень: ежеквартальные комплексные проверки выборочных школ специальными комиссиями. Члены комиссий должны пройти трехнедельные курсы повышения квалификации по новой программе, которую мы также разработаем.

Реакция Штрауса:

Он смотрел на Элис с нескрываемым восхищением. Он видел не саботаж, а рвение фанатика от бюрократии.

— Госпожа глава ведомства, это... грандиозно! Такой системный подход действительно покажет нашу преданность делу!

Реакция старого профессора Аренса:

Он смотрел на стол, поправляя очки. Элис поймала его взгляд на долю секунды — и увидела в нем тень понимания. Он не мог открыто улыбнуться, но легкий кивок был почти незаметен. Он понял. Он понял все.

— Форма Двенадцать-Бета... — тихо сказал он. — Потребуется создания нового отдела статистики. И значительного времени на обработку данных. Месяцев. Возможно, года.

— Именно так, профессор, — ответила Элис, не меняя выражения лица. — Качество требует времени. Вождь ждет от нас не скорости, а образцового результата. Мы не должны его подвести поверхностной работой.

Результат. Спустя месяц.

Внешний эффект: Ведомство образования издало десятки новых циркуляров, форм и инструкций. Со стороны казалось, что работа кипит. В Канцелярию уходили отчеты о масштабной и беспрецедентной работе. Элис получила одобрение.

Реальный эффект: Школьные учителя и чиновники на местах тонули в бумажной волоките. Они тратили почти все время на заполнение форм и составление отчетов, а не на реальные уроки ненависти. Напряженность и выгорание среди учителей росли. Самые умные из них понимали: это завуалированная команда «сбавить темп».

Риск: Элис создала монстра. Бюрократическая машина, однажды запущенная, могла выйти из-под контроля. И если кто-то — например, Штраус — поймет истинную цель этой деятельности, обвинения в саботаже станут неизбежны.

Внутренний монолог Элис. Поздно вечером в кабинете.

«Мы завалили их бумагами. Мы превратили призыв к ненависти в скучное упражнение по заполнению форм. Это работает. Пока что. Но как долго? Штраус восхищен сейчас, но что, если его восхищение сменится подозрением? Нужно быть готовой к следующему шагу. К следующему приказу. Эта игра только начинается».

Она посмотрела на портрет отца, стоящий на столе. Он смотрел на нее с гордостью. И эта гордость жгла душу сильнее любого упрека.

Элис тихо смотрела в окно на сумеречный Берлин.

Да, это неизбежно. В этой системе нельзя оставаться незамеченным, занимая такую должность. Особенно если не разделяешь их фанатизма. Слухи — первый сигнал. Провокация — логичный следующий шаг. Они хотели проверить ее. Прощупать почву.

Сцена. Заседание комитета по учебной литературе. Два месяца спустя.

Воздух в зале заседаний был густым и спертым. Элис руководила обсуждением нового, «идеологически выверенного» учебника биологии. Ее тактика бюрократического саботажа все еще работала, но она чувствовала нарастающее напряжение. Взгляды некоторых чиновников стали колючими.

Внезапно дверь открылась.

Вошел не заместитель Штраус, а сам **Генрих Клюг** — верховный инспектор по идеологии, человек с холодными глазами и репутацией «интеллектуального палача». Его появление всегда означало, что дело принимает серьезный оборот.

— Прошу прощения за вторжение, госпожа глава ведомства, — сказал он. Голос мягкий, но несущий угрозу. — Я слышал, вы обсуждаете раздел о наследственности и расовой гигиене. Как раз кстати.

Он сел за стол. Все замерли. Он не смотрел на Элис, а обращался к собранию.

— У меня к комитету вопрос. В рамках борьбы с дегенеративным искусством была изъята частная коллекция. Среди прочего — несколько работ так называемых «экспрессионистов». Как вы считаете, можно ли использовать эти изображения... скажем, для наглядного пособия о вырождении? Чтобы показать молодежи уродство больной психики?

В комнате воцарилась мертвая тишина. Ловушка. Все это понимали.

Внутренний монолог Элис:

«Вот оно. Провокация. Если я соглашусь — я предам все, во что верю, и превращу искусство в инструмент пропаганды ненависти. Если резко откажусь — меня обвинят в симпатиях к дегенеративному искусству, в слабости, в недостатке патриотизма. Нужен третий путь. Ответ, который сохранит лицо и не свернет шею».

Клюг повернул к ней голову. Взгляд — ледяной бур.

— Ваше мнение, госпожа глава ведомства? Вы ведь наш эксперт по воспитанию молодежи. Как считаете, стоит ли показывать нашим детям такую... грязь?

Все взгляды устремились на Элис.

Элис сделала небольшую паузу, собираясь с мыслями. Ее лицо выражало не сомнение в идее, а искреннюю озабоченность эффективностью. Она встретила взгляд Ключа не с вызовом, а с выражением глубокой, почти научной заинтересованности.

— Вы поднимаете чрезвычайно важный вопрос, верховный инспектор, — начала она. Голос спокойный и размеренный. — И ваша идея, безусловно, заслуживает самого пристального внимания.

Пауза. Слова осели в тишине.

— Однако, если позволите, я выскажу опасение, рожденное моим педагогическим опытом.

Она слегка жестикулировала, как лектор, объясняющий сложную концепцию.

— Детское сознание, особенно в юном возрасте, чрезвычайно восприимчиво к визуальным образам. Оно впитывает их, как губка, порой без критического анализа. Показывая им эти... дегенеративные образцы, даже с целью осуждения, мы рискуем запечатлеть в их чистом сознании саму форму этого уродства. Мы можем непреднамеренно посеять в их душах те самые искривленные образы, которые стремимся искоренить.

Брови Ключа чуть приподнялись. Он не ожидал такого угла атаки.

— Не будет ли стратегически более верным, — продолжала Элис, мягко, но настойчиво, — заполнить их визуальный мир до краев образами несомненной, германской красоты и силы? Чтобы уродству просто не оставалось места в их душах? Чтобы сама мысль о нем была им чужда и непонятна? Сила чистого идеала, на мой взгляд, способна выжечь любую скверну куда надежнее, чем демонстрация этой скверны. Зачем показывать им грязь, если мы можем научить их видеть только солнце?

Наступила напряженная тишина.

Ключ изучал ее своим пронзительным взглядом. Он искал слабинку, намек на инакомыслие. Но Элис не отрицала его идею — она предлагала «более радикальный» и «чистый» путь. Она играла на его же поле, апеллируя к защите молодежи и силе идеала.

Наконец, уголки его губ чуть поползли вверх. Холодная, расчетливая полуулыбка.

— Интересная мысль, госпожа глава ведомства, — произнес он медленно. — Очень интересная. Стремление оградить молодежь от любой скверны... похвально. Возможно, вы и правы. Возможно, их мир действительно должен быть стерил.

Он встал.

— Благодарю за ваше... развернутое мнение.

Ключ ушел, оставив за собой шлейф напряженности. Элис не проиграла. Но и не выиграла. Она лишь отбила первую атаку, подтвердив свою благонадежность не криком лояльности, а изощренной аргументацией. Однако она точно попала в его поле зрения. Теперь он будет наблюдать еще пристальнее.

Слухи не утихнут. Они усилятся. Но теперь те, кто их распускал, знали: Элис не легкая добыча. Она умела фехтовать словами. И это делало ее одновременно и опаснее, и уязвимее в их глазах.

Элис собралась с духом. Она понимала: это точка невозврата. Риск колоссальный, но отступление уже невозможно.

Сцена. Заседание у главы пропаганды.

Кабинет пах кожей, дорогим табаком и страхом. Элис сидела среди высших чинов, стараясь быть тенью. Тема — усиление враждебной риторики в прессе и кино. Речь шла о самых отвратительных, лживых и подстрекательских образах.

Один из чиновников, обер-директор Функ, с пеной у рта доказывал необходимость показывать гонимый народ как «переносчиков заразы» в буквальном смысле, сравнивая их с крысами и тараканами в образовательных мультфильмах для самых маленьких.

— Мы должны привить отвращение на инстинктивном уровне! — восклицал он. — Чтобы ребенок, увидев их, инстинктивно отшатывался, как от прокаженного!

Элис тошнило. Кровь стыла в жилах. Молчание становилось соучастием. Но сказать что-то было самоубийством.

И тут глава пропаганды, сидевший во главе стола, перевел на нее свой пронзительный, птичий взгляд.

— А что думает наше молодое дарование, глава ведомства по образованию? Ваше мнение о столь... эффективном методе? Ваши учебники должны будут закрепить этот образ.

Все взгляды обратились к Элис. Это был не вопрос. Это было испытание. Ловушка захлопнулась.

Внутренний монолог Элис:

«Это оно. Перелом. Если я промолчу или соглашусь — я умру морально. Если выскажусь прямо — умру физически. Но есть третий путь... Путь, который прозвучит не как защита, а как защита... логики. Это либо гениально, либо самоубийственно».

Элис сделала паузу. Ее лицо выражало не возмущение, а легкую, академическую озабоченность.

— Господин министр, — начала она тихо, но четко, заставляя всех прислушаться. — Метод, безусловно, действенный. Однако, если позволите, я выскажу опасение с педагогической и... стратегической точки зрения.

Глава пропаганды сузил глаза. Интрига зацепила его.

— Если мы будем упорно сравнивать их с крысами и тараканами в учебниках для самых маленьких, — продолжала Элис с ледяным спокойствием, — то можем столкнуться с неожиданной проблемой логического восприятия у ребенка.

Пауза. В тишине слышалось лишь потрескивание поленьев в камине.

— Ведь ребенок, воспитанный на нашей идеологии, — существо логичное. И он знает, что с крысами и тараканами делают. Их травят. Их уничтожают.

Она выдержала паузу, позволяя страшным словам повиснуть в воздухе.

— И если мы с ранних лет будем прививать этот простой и ясный инстинкт «увидел — уничтожь», что будет, когда эти дети вырастут и столкнутся с реальными носителями признаков? Они просто применяют усвоенный в детстве урок. На практике. Без сомнений и юридических сложностей.

Она смотрела прямо на главу пропаганды.

— Я лишь опасаясь, что такая примитивная аналогия может опередить развитие необходимых государственных институтов. Она может породить стихийную, неконтролируемую энергию, которую государство может оказаться не готово канализировать. Мы воспитываем солдат Империи, господа, а не истребителей насекомых.

Эффект разорвавшейся бомбы.

В комнате повисла гробовая тишина. Лицо Функа багровело. Несколько чиновников смотрели на Элис с открытыми ртами, не веря своим ушам.

Она только что:

Прямо назвала будущее уничтожение — «уничтожением».

Фактически предсказала стихийное насилие.

Сказала это не с позиции морали, а с позиции государственной целесообразности и педагогической логики.

Она не защищала гонимых. Она указала на техническую проблему в пропаганде, которая могла привести к неконтролируемым последствиям. Но для всех в комнате это была шокирующая, ледяная констатация того, о чем все думали, но не решались сказать вслух.

Глава пропаганды смотрел на Элис долгим, невыразительным взглядом. Потом уголок его рта дернулся.

— Вы предлагаете воспитывать в детях сомнения, госпожа Вайс?

Его голос был шепотом, который слышали в каждом углу комнаты.

Элис спокойно выдержала взгляд главы пропаганды, сохраняя выражение чиновника, озабоченного эффективностью системы.

— Никаких сомнений, господин министр, — ее голос стал твердым как сталь, без тени неуверенности. — Я предлагаю нечто прямо противоположное. Я говорю о тотальном контроле. Сомнения — удел слабых. Сила — в абсолютной управляемости.

Она медленно перевела взгляд с главы пропаганды на других присутствующих, давая им почувствовать тяжесть своего взгляда.

— Инстинкт «увидел — уничтожь» — это инструмент толпы. Хаотичный, грубый. Наша задача — создать не толпу, а армию. Армия действует не на инстинкте, а по приказу. Четко, дисциплинированно, в нужное время и в нужном месте.

Она слегка наклонилась вперед, пальцы сомкнулись на столе.

— Мы должны воспитать не палачей с помутившимся рассудком, а солдат идеи, которые видят в этом не эмоциональную вспышку, а холодную, ответственную работу во имя Империи. Работу, которую можно начать, приостановить или изменить по одной команде свыше. Хаос нам не нужен. Нам нужна идеальная машина. А в машине нет места стихийным инстинктам.

Реакция в зале.

Эффект был именно таким, как она и предполагала. Комната молчаливо раскололась на два лагеря.

Лагерь «Прагматиков» — меньшинство, но влиятельное. Несколько старых генералов и технократов смотрели на Элис с внезапным интересом. Они ненавидели хаос так же, как и она. Ее слова о дисциплине, управляемости и машине нашли у них отклик. Она была не мягкосердечной дурой, а холодным стратегом. Потенциальным союзником.

Лагерь «Идеологов-фанатиков» — большинство. Функ и ему подобные смотрели на Элис с ледяной ненавистью. Для них уничтожение было священным актом, эмоциональным всплеском народного гнева. Ее предложение превратить это в «холодную работу» было для них кощунством. Она пыталась лишить их священной войны ее пафоса, ее крови и ярости. В их глазах она стала опасной еретичкой, прикрывающейся языком эффективности.

Реакция главы пропаганды.

Он молча изучал Элис. Он был мастером своего дела и понимал разницу между эмоцией и управляемой информацией. Ее слова попали в цель.

— Идеальная машина... — повторил он задумчиво. В его глазах мелькнула искра холодного интеллектуального любопытства. — Вы мыслите масштабно, госпожа Вайс. Слишком масштабно, возможно, для некоторых.

Его взгляд скользнул по недовольным лицам Функа и его сторонников.

Он встал, заканчивая заседание.

— Ваша позиция... зафиксирована. Благодарю всех.

Итог.

Элис не вызвала скандала. Она вызвала раскол.

Она приобрела: внимание и скрытый интерес тех, кто ценил порядок выше фанатизма. Она обозначила себя как силу, с которой нужно считаться, как человека со своим, особым взглядом на реализацию идей Империи.

Она приобрела врагов: явных и скрытых недоброжелателей среди идеологических фанатиков, которые теперь видели в ней угрозу. За ней будут наблюдать еще пристальнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.